

ПОЗДНЕПРАСЛАВЯНСКОЕ ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой попытку продолжения и – в некотором смысле – развития воззрений и идей проф. С. Б. Бернштейна, изложенных им в книге «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961), каковая и поныне остается основным учебным пособием по данной дисциплине не только для студентов-славистов, но также для русистов дневного и вечернего отделений филологического факультета МГУ. Вместе с тем соответствующий курс, по-прежнему читаемый в целом в русле традиционного сравнительно-исторического подхода, за десятилетия, прошедшие со времени издания «Очерка», претерпел некоторые изменения. Это было мотивировано, с одной стороны, переориентацией общего процесса преподавания славянских языков на филологическом факультете в большей степени на изучение их современного состояния, сопровождавшейся корректированием учебных планов, а с другой – развитием науки: открытием ряда неизвестных ранее фактов, появлением новых гипотез и даже целых научных направлений. Ввиду всего сказанного теперь уже невозможно так подробно, как это делал в «Очерке» и в своих лекциях С. Б. Бернштейн, освещать в рамках курса сравнительной грамматики проблемы истории пра-

²⁵ *A. V. Isačenko. Narečje vas. Sele na Rožu, Ljubljana, 1939, 18 сл.*

славянского языка. В этом курсе (особенно на русском отделении, где он рассчитан всего на один семестр) приходится – следуя не букве, но духу книги его основоположника на филологическом факультете – ограничиваться лишь важнейшими фрагментами праславянской истории и сосредоточиваться в первую очередь на позднепраславянских явлениях и диалектных чертах, возникавших в связи с ними, что имеет принципиальное значение для познания соотношения славянских языков как в диахронии, так и в синхронии.

С. Б. Бернштейн в своей книге уделяет много внимания позднепраславянскому диалектному членению. Основные сведения о нем, в «Очерке» распределенные по различным параграфам, автор данной работы, учитывая и некоторые новые представления, попытался собрать воедино и кратко обозреть их прежде всего в интересах практического преподавания студентам.

В приложении даются краткие отрывки из художественных произведений на славянских языках (кроме русского), на примере которых в ходе семинарских занятий можно познакомить студентов с современным отражением праславянских диалектных особенностей.

Распространение праславянского языка на значительной по своей протяженности территории от Днепра до Одры (Одера) к середине первого тысячелетия до н. э. обусловило возникновение существенных различий между его диалектами.

В бассейне Днепра формируется восточнославянская диалектная область (восточный макродиалект, объединяющий позднейшие собственно восточные и южные диалекты), а в бассейне Вислы с границей по Западному Бугу на востоке и Одре (Одере) на западе, с выходами к верхнему течению Лабы (Эльбы), а также к Дунаю на юге, – западнославянская диалектная область (западный макродиалект).

Восточный и западный макродиалекты отличались друг от друга главным образом неодинаковыми последствиями некоторых позднепраславянских звуковых изменений:

– сочетание **tl*, **dl* на востоке переживали утрату взрывного элемента при его сохранении на западе (рус., укр., болг., с-х. *плели* /мн. ч./, *шило* – пол., чеш. *pletli* /мн. ч./, пол. *szydło*, чеш. *šídlo*);

– задненебный **x* по 2-й палатализации, т. е. перед **ě* и **i* из **oi*, изменялся на востоке в свистящий **s'*, а на западе, как при 1-й палатализации, в шипящий **š'* (рус. *серый*, с-х. *монаси* /им. п. мн. ч./ – пол. *szary*, чеш. *šerý*, *mniši* /им. п. мн. ч./); те же отличия обнаруживает изменение **x* по 3-й палатализации, в первую очередь в морфеме **vъx-* (рус. *весь*, *всякий*, болг. *всеки*, с-х. *сваки* – пол. *wszak*, чеш. *však* 'все же, однако');

– в сочетаниях *kv, *gv перед *ě из *oi, а иногда и перед другим гласным переднего образования, задненебные согласные на востоке изменялись, как по 2-й палатализации, соответственно в *c', *dz' (> z'), а на западе сохранялись (рус. *цвет, звезда*, болг. *цвет, звезда*, макед. *svезда* – пол. *kwiat, gwiazda*, чеш. *květ, hvězda*);

– сочетания губных согласных с *j на стыке морфем на востоке изменялись в сочетании с l' (в болгарско-македонских диалектах, возможно, непоследовательно), на западе же (а также в болгарско-македонских диалектах) l' после губных не получил развития (рус. *земля*, с-х. *земља* – пол. *ziemia*, чеш. *země*, болг. *земя*, макед. *земја*);

– сочетания *tj, *kt (перед *i, *e, *ь) и *dj изменялись на востоке в шипящие согласные (которые далее претерпевали неодинаковые преобразования в южных диалектах), а на западе в свистящие *c', *dz' (рус. *свеча, ночь, чужой* – пол. *świeca, noc, cudzy*, чеш. *svíce, noc, cizí*).

Внутри восточного макродиалекта выделились две группы диалектов: собственно восточные, или северо-восточные, и южные, окончательно обособившиеся лишь после заселения их носителями территории от Балкан до Альп к середине первого тысячелетия н. э.

Южная группа, далее, подразделилась на две ветви: будущую болгарско-македонскую и сербско-хорватско-словенскую, которые отличались, в частности, конечными последствиями изменения сочетаний губных согласных с *j и сочетаний *dj, *tj и *kt перед *i, *e, *ь (ст.-сл. **штѣудь, ноштѣ**, болг. *чужд, ноц*, макед. *туѓ, ноќ* при *сношти* 'вчера вечером', с-х. *туђ, ноћ*, словен. *tuj, noč*) и по ряду других особенностей.

На разных этапах развития имели место контакты отдельных диалектов южной группы либо всей этой группы с той или иной частью западного макродиалекта, внутри которого вычленились чешско-словацкая и лехитская подгруппы с промежуточной серболужицкой областью. Так, существуют особенности, объединяющие:

– болгарско-македонские диалекты со всеми западными (отсутствие l' после губных согласных на месте их исконных сочетаний с *j – при ст.-сл. **Зѣмля / Зѣмьля**);

– словенские диалекты с большей частью западных (сохранение сочетаний *tl, *dl – словен. лит. *pletel, pletli*, диал. *šidlo*);

– болгарско-македонские диалекты с лехитскими (гласный нижнего подъема на месте «ять») – макед. диал. *vāra*, болг. *вяра*, пол. *wiara*);

– болгарско-македонские и словенские диалекты с лехитскими (отсутствие изменений носовых гласных *ę > ä, *ρ > u, характерных для остальных диалектов, ср. рус. *мясо, рука* – но болг. *месо, ръка*, макед. *рака*, диал. *рънка*, словен. *meso, roka*, диал. *ranka*, пол. *mięso, ręka* наряду с *rączka* 'ручка');

– (средне)словацкие диалекты с южными и восточными (ср.-сл. диал. *šilo, na strese* 'на крыше', лит. *mnísi* /им. п. мн. ч./ с изменением *x в *s' по 2-й палатализации) и только с южными (изменение сочетаний типа *ort, *olt в *rat, *lat в любой позиции, как в южных диалектах, в отличие от западных и восточных, в которых в морфемах, не несущих постоянного ударения, те же сочетания изменялись в *rot, *lot, ср. сл. *rást, laket'*, с-х. *pacm, lakam* – чеш. *růst, loket*, пол. *wzrost, lokieć*, рус. *рост, локоть*);

– чешско-словацкий диалектный массив с южным (изменение сочетаний типа *tort, *tolt, *tert, *telt в *trat, *tlat, *tr~~ь~~t, *il~~ь~~t в отличие от *trot, *tlot, *tret, *tlet в лехитской и серболужицкой области и так наз. полногласия у восточных славян, ср. с-х., болг. *страна, злато*, с-х. *бреме /бръemel*, болг. *мякло*; чеш., сл. *strana, zlato*, чеш. *břímě*, сл. *mlieko* – но пол., в.- и н.-луж. *strona, zloto*, пол. *brzemieć*, в.- и н.-луж. *mloko* с изменением e в o перед твердым согласным, рус. *сторона, золото, беремен-/ная/, молоко*).

Результаты изменения сочетаний типа *ort, *olt и *tort, *tolt, *tert, *telt запечатлели как обособление южных диалектов и контакты с ними части либо всего чешско-словацкого диалектного массива, так и начавшийся в тот период процесс сближения западных либо северо-западных диалектов с восточными (во втором случае в северо-западной области первоначально также образовывались сочетания, аналогичные полногласию, ср. в.-луж. тип *trjebić*, где отсутствие изменения tr' > tr̄ предполагает продолжительное сохранение перед сонантом r вокального элемента, как и в рус. *требить*).

Примерно то же противостояние праславянских диалектов обнаруживают изоглоссы, связанные с рефлексацией сочетаний редуцированных с плавными сонантами типа *t~~ь~~rt, *t~~ь~~lt или *t~~ь~~rt, *t~~ь~~lt. Группы с передним и передним сверхкратким отражались совершенно одинаково в диалектах южной зоны, к которым в отношении сочетаний *t~~ь~~lt и *t~~ь~~lt присоединяются среднесловацкие, а в отношении *t~~ь~~rt и *t~~ь~~rt почти весь чешско-словацкий массив (кроме восточнословацкого ареала), и напротив, по-разному – хотя у типа *t~~ь~~lt вопреки *t~~ь~~lt лишь в отдельных позициях, да и то не повсеместно – в остальных западнославянских и в восточнославянских диалектах (ср. болг. *дълг, вълк*, с-х. *дуг, вук*, сл. *dlh, vlk* – чеш. *dluh, vlk*, пол. *dług, wilk* /но кашубск. *wolk*/, рус. *долг, волк* /при желчь и т.п./; болг. *гърб, връх*, с-х. *грба, врх*, сл. *hrb, vrch* – пол. *garb, wierzch*, рус. *горб, верх* /до XVIII в. лит. *веръхь*/).

Кроме этих черт сходства восточных диалектов с западными, их северной частью либо даже только с крайней северо-западной периферией данного массива (ср., подобно рус. *волк* и кашубск. *wolk*, также рус. *молоть* и кашубск. *młoc* вопреки пол. *mleć*), совпадение с состояни-

ем в западной группе отражают некоторые архаизмы восточного ареала, концентрирующиеся в особенности в псковско-новгородской зоне (сохранение сочетаний взрывного согласного с *l* на месте **tl* и **dl* при их замене на *kl* и *gl*, как в пол. и кашубск. диалектах; сохранение **kv* и **gv* перед **ě* из **oi*, в псковско-новгородской зоне связанное, однако, с отсутствием 2-й палатализации заднебных согласных также в других случаях, и т. д.).

К специфически восточнославянским особенностям, помимо конечных итогов изменения сочетаний типа **tort*, **tolt*, **tert*, **telt* и **ьrt*, **ьlt*, **ьrt*, **ьlt*, а также сочетаний **dj*, **tj* и **kt* перед гласными переднего образования (при своеобразных заменах **dj*, **tj* в псковско-новгородской области, ср. отсюда рус. лит. *пугать* в отличие от общерус. диал. *пужать*), относится, например, концентрация в восточных диалектах морфем с изменением начального **/j/e-* в **o-* (ср. рус. *один* и пол., чеш., слц. *jeden*, с-х. *jedan*, болг. *един*).

В период обособления южных диалектов и сближения восточных с западными (или северной их частью) возникли и основные праславянские морфологические диалектизмы: например, формы род. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч. имен и местоимений из склонения на **ja-* с флексией **-ę* в южной и **-ě* в западной и восточной группах, сохранение в форме тв. п. ед. ч. имен и местоимений из склонения на **o-* флексии **-омь* в южной и ее замена на **-ьть* в западной и восточной группах и т. д. Первоначальную же связь южных и восточных диалектов отражают лишь некоторые изоглоссы более локального характера, напр., укр., с-х., словен. и слц. диал. флексия *-то* в формах 1 л. мн. ч. н. в. глаголов и другие особенности.

ТЕКСТЫ

Украинский язык

Закоханий у Київ, я блукаю по зелених, кучерявих, шепотливих його вулицях. Милий, тихий, задумливий красунь! Каштани обсипають рудавим цвітом дахи вагонів трамвая. Нема ніде такого життя в лініях вулиць, як у нього. Ніде нема такої ласкавої чепурності, природньої охайності, грайливості! Він подібний до якогось великого гарного звіра, який бо-зна коли слідкує за собою.

От заходить сонце за Кадетською Рощею й ще горять хрести Андрієвської церкви, Володимирського собору і блискають червоним, металічним відблиском вікна високих кам'яниць на горах. Внизу, в подібних до веселок алеях-вулицях, засаджених каштанами, тополями, акаціями, ніжна, тепла наша південна тінь. За палісадниками з розчинених вікон яюсь особливо, хвилююче, закликаюче чується сміх і музика.

Біля дверей бакалейних крамничок, які через щось у Києві люблять підвали, неодмінно, щовечора збирається клуб: дворники, поліцаї, покоївки. З дверей крамничок потягає холодком підвалу, политою підлогою, таранею, свіжими овочами.

А на Дніпрі в цей час ледве посуваються вгору до Чорторою човни. З човнів тягнуться до міста нитки пісень. З міста, з царського саду, їм відповідає музика. Десь дзвонять у церкві. Як гудіння джмеля втискується гудок пароходу. Часто, завзято видзвякує такт трамвай.

Я хожу помалу, смакуючи кожний крок, кожний поворот вулиці, кожну свічку на каштані. В мені панує блаженний спокій.

(Володимир Винниченко)

Белорусский язык

Цэлы гай старасвецкіх дубоў раскінуўся на беразе Нёмана... Такіх дубоў цяпер рэдка дзе ўбачыш. Іх не чапіла рука людская, толькі даўныя часы палажылі свой след.

У леце пачыналася ўжо тая ледзь значная змена, той паварот часу, калі жыццё прыроды ідзе на спад. Скошаны луг і паскладанья курганамі стагі, парыжэлыя ад дажджоў і сонца, ужо гаварылі аб гэтым пміранні. Буслы збіраліся ў чароды і доўга стаялі на грудях або ляніва аглядалі лагчыны. Але было прыметна, што не на пажыву пазбіраліся яны сюды, а для нейкай іншай справы. Пастаяўшы, павольна, адзін за адным, узнімаліся яны ўгару, кружыліся там, і кожны круг падымаў іх усё вышэй і вышэй. Там яны сплталіся ў адну фігуру, у адзін шырокі круг, і, не махаючы крыллямі, плаўна і згодна, як па камандзе, насіліся ў неаглядным прасторы сініх небёсаў...

Асірацелыя старыя дубы ў чорных шапках бусліных гнёздаў спакойна стаялі, не варушачы ніводным лістам, і купалі ў сонцы свае адвечныя лапы.

(Якуб Колас)

Болгарский язык

Питаш ме как се казвам... Благодаря ти, благодаря! Аз една година вече съм в тоя град, всеки ден, кажи-речи, сядам на тая пейка и досега никой не ме е попитал как се викам. Амма никой! Ти си първият и зато ва ти благодаря. Да си жив и здрав и на мойто положение – дай си, Боже! – никога да не дохождаш.

Да съм гладен и жаден – не! Ако ме гледаш отвънка – всичко ми е пълно и равно. Дъщеря ми – женена, живее си в село, детето и здраво, мъжът и председател, синът ми е в министерството, дето се вика, първият помощник, инженер с диплома като чаршаф, с автомобил го вземат и връщат. Жена му – докторица на заплата, къпват се в порцеланово корито.

Яденето ми – ядене, креватът ми – креват, сам в стая и пак съм зле, зле и зле, та няма накъде! Ударил съм назад, отмалявам и се стопявам... Не ми се яде, не мога да заспя и все ми се въртят разни шашави работи в акъла, а пък няма на кого да кажа. Кажа ли – изнамират ме за шашав и за луд.

(Николай Хайтов)

Македонски јазык

Целото село се собра пред црквата и уште пред изгревот на сонцето биеја тапаните и пиштеа зурлите. Го свиреа «Тешкото». Таков е обичајот кога се испраќаат печалбари. При разделбата не треба да има соли. Не, низ песната се плаче, се раскажува и се пожелува најубаво.

Зурлите улаво пиштеа, а тапаните биеја одмерено и тапо. Секој удар одсиваше болно во срцето на тие мажи и татковци, браќа и пријатели што одеа во далечни земји.

Срцето им се кинеше, не им се оставаше родното огниште. Не можеа да се разделат. Солзи им идеа на очи. Но, нели се пусти мажи – треба да молчат и да ги кријат ранетите срца. Гладот, немаштијата и ограбената земја од туѓи и домашни сајбии како остен ги дупеа и ги гонеа во туѓина. Мажите го играа «Тешкото», држејќи се здраво за раменици, без насмевка, речиси намуртени.

Жените, децата и старите – тие што не можеа да одат на печалба – стоеја наоколу како скаменети, без да прозборат збор и секој гледаше, го впиваше погледот во својот сакан човек, кој, по малку време, ќе ги остави, можеби, засекогаш!

(Иван Точко)

Сербохорватски јазык (сербски јазык)

Фра-Брне бјеше свом главом мањи од брата, али кад би Кушмељ обријао брке, па му се надули образи, шија, трбух, и – сапи, био би исти фра-Брне.

– Бижмо у кућу, е помете! – рече духовник, па дода с прага: – Ваљен Исус!

– Вазда Исус и Марија – прихватише Кушмељ и Осиняча. Она збуњена стаде се мувати по кући, не знајући шта ће.

– Па како, како? – пита дујо.

– Вала Богу и присветој Дивици, није зла! Јево, глади није, а болести није, па се животари, – вели кнез Кушмељ.

– Деде, невесто, метни мало сукна на столицу! – рече фра-Брне.

Осиняча прострије «кличано» ракно.

– Та-ко! – рече фратар. – Сад ми изуј чизме и метни ми кладу под ноге! Та-ко! Е, сад запали свићу!

У свакој католичкој кући налази се по једна воштаница освећена на Срећење (на Канделору) , а чува се у кући за употребу самртницима. Осињача се прекрсти и прошапута:

– Опрости, боже и мајко канделорице! – па запали свијећу и усади је у чашу жита.

(Симо Матавуљ)

Сербохорватскиј јазык (хорватскиј варијант)

Moj bábo sjeđaše uz vatru mrk. Samo koji put izišao bi da posluša i brzo se vratio tresući s kabanice snijeg. Spasoje podalje na ražnju vrtio ovna, a i nad vatrom klučao kotlić pun suhog mesa. Ne govorahu među sobom, a meni još manje, te naslućivah da se ima nešto dogoditi. Vrlo sam se bojao toga teškog očekivanja i mûka, ali ne smjedoh da ih što pitam.

Dugo smo tako sjedili, i već me počeo hvatati drijem, kadli netko u daljini podmuklo zvizne, a moj bábo zgrabi glavnju s ognjišta i na vratima mlina njome zavitla. Šćućurim se i stanem očekivati.

Ispod mene tutnjila voda, a kroz otvorena vrata sipao snijeg sve do ognjišta. Led me hvatao, a ne htjedoh zamotati se neka bolje vidim i čujem što se događa.

(Динко Шимунович)

Словенскиј јазык

Vseokoli tebe je na tisoie tujih življenj, ki jih ne poznaš in jim nikoli ne odgrneš brezdanjih skrivnosti. Le otrok jih slutí, od tod njegova plašljivost.

Vsak zvok, ki ga slišiš, je zvok od onstran. Beseda prijateljeva je mrtev napis na hiši, ki ji nikoli ne boš prestopil praga. Jaz in ti – poljubujta se, ali se davita – dvoje svetov; ubijeta se lahko, razbijeta na črepinje drug ob drugem – ne bosta si razodela, kdo da sta... Butaj ob soseda, kdorkoli je, nepremičen kamen, bežna misel, drevo, žival, ali človek; zdrobiš se, ali ga zdrobiš, spoznal go ne boš.

Neutolaženo in neutolažljivo hlepenje po spoznanju mušice, ki ti je bila sedla na plešo, in po spoznanju Boga, ki te ziblje na dlani, to je tvoje trpljenje od začetka do konca, to je tvoj boj, vsebina in pomen vsega tvojega nehanja.

(Иван Цанкар)

Чешкиј јазык

Letní noc daleko v polích; je temná, teplá a tichá. Po široširu kol nikde ani střechy obydlí lidského, ani rudého světla. Všude táhlé obilné lány; moře klasů, pozvolna stoupajíc, zaniká ve stínu pod hustými lesy, jež tam na konci, kam oko dozírá, se černají a mlčí.

Krástal ozval se hlubokým tichem kdesi na zarostlém palouku mezi obilím. Ale již umkl, jako by jej veliké širé ticho zarazilo. Vzduch čistý pln

je lahodné vůně z obilí a mateřídoušky. Letní noc daleko v polích, temná, teplá a tichá.

Na nebi ve tmavu zamihlo se slabě, třesavě, jako na zachmuřeném, pohnuté tváři, pak žlutavě zasvitlo na obzoru – a nad světlostí tou zjevily se černomodravé, měkce vlnité mraky, blýskavice svit zašlehl zářivým sloupem vysoko, skoro až k vrcholu nebes, a zasmušilá jejich tvář zarděla se ruměncem.

Projasnělý obilí lán zjevil se v růžovém zásvitu, klas na klasu do neščíslna, a les v tom neobyčejném světle byl bez hrůzy – ale tajemný, jako z pohádky... A jak rudý ten zášleh doplanul, hloub země si stáhla tmavý svůj závoj, a vládlo zase temno a ticho.

(Алоис Ирасек)

Словацкий язык

Odchádzam z rodného domu. Tu stojím na vrchu Temrave, pod ním sa pasie zhrbený dom mojej matere...

Vám patrí môj pozdrav, vy hmlisté diaľky Zeme! Vidím cestu, ktorá z tohto vrchu v neznáme krajiny vedie. A cítim veľké vaše šumenie... Trávica mäkká, kvet fialový vône slobody pozdravuje vás mojimi ústy. Pozdravuje vás spev voľných vtákov na hučiacom úsvite.

Keď slnce miznúť bude a červené kvety západu preplavia sa nebom a zemou, vtedy ma uvidíte kráčať po ceste ďalej. Dožičte mi stretnúť sa s Poznaním, lebo Poznanie hľadať idem.

A keby som nebol hoden svojho cieľa, nech ma zmetie jarný prívál bleškom haditým.

Obzerám sa, pohľadom sa lúčim s rodičovským domom. Dvíham svoju lieskovú palicu a idem smerom slnca západu.

Tam dolu v dome moja staruška matka ostala.

(Людо Ондрейов)

Польский язык

Przez otwarte wrota na dziedziniec wszedł wędrowiec i rzekł do niewiasty stojącej u progu:

– Pokój tej cichej chacie, tym drzewom, zbożom i okolicy całej, i tobie, matko!

Ona, powitawszy go gościnnie, rzekła:

– Chleba i mleka przyniosę ci, wędrowcze, a tymczasem siądz i odpocznij, bo widać, że z dalekiej wracasz podróży.

– Jako ów bocian i jako jaskółka wędrowałem; wracam z daleka i od dzieci ci twoich wieść przynoszę.

Matce dusza cała zbiegła do oczu i zaraz spytała wędrowca:

– Czy wiesz co o synu moim, Jašku?

– Czy ci on najmilszy, że o niego pytasz najpierw? Oto jeden twój syn w puszczech z siekierą pracuje i w jeziora sieć zapuszcza; drugi konie na stepie pasie, pieśni tęskne zawodzi i w gwiazdy patrzy; trzeci po górach się wspina, na turniach i halach z owcami noc spędza, w orłów krakania się wsłuchuje. Do kolan się wszyscy twoich chylą i pozdrowienia ci przesyiają...

– A Jaśko? -pytała z troską na twarzy.

– Wieść smutną chowam na ostatek. Żle się Jaškowi wiedzie: rola plonu mu nie daje, bieda i głód dokuczają, w niedoli płyną mu dni i miesiące. Wśród obcych i nędzy mowy twej nawet zapomina – więc i ty o nim, bo już nie twój ... zapomnij!

(Генрик Сенкевич)

Верхнедужеицкий язык

Bože slončko běše hižo dawno w domčck za módrojte hory; miła nóc je ze swojimaj křidlomaj mučnu zemju wodžěła. Bóh wjeršny pak je swój njebjeski trón z wulkim, jasnomódrym tepichom přikrył, kotryž so blyšci w blyšču milionow mikatych hwězdow, wjetšich a mjeńšich, kotryž so krasni wot ranja hač k wječoru, wot pođnja hač k połnocy – wulki to wotblyšč wulkeho knjeza. Zdaloka slěbropasny měsačk na njebjeske hona wustupuje, swój cuni blyšč, swoje miłe swěto wusywjajo na čichu, měra lačnu zemju. – Změrom, sčicha je tež po cytym Lipsku. Wšitkim je bóh luby knjez sparne wóčko z miłej ruku zandželił: strowemu, zo by na nowe džělo nowych mocow nabył, choremu, zo by pozabył svojich bolosćow, wjesoľemu, zo by znowa posylnjeny svojego zboža a svojego wjesela na prawe wašnje a w prawej měrje wužiwać móhł, zrudnemu, zo by jeho žarowatu wutrobu z rjanym sónčkom rozwjesełił, wšěm – chiba jednemu nic.

(Якуб Барт-Чушинский)